

Достоевский - Гексли (Стратиевская)

Уровень ЭГО, канал 1 - 2.

Некоторое сходство между партнёрами, обусловлено общностью их квадровых ценностей - оба доброжелательны, приветливы, миролюбивы, - не сглаживает противоречий, вызванных различием их диадных ценностей. Интуиция возможностей - программная функция Гексли и его первостепенная ценность предполагает яркое доминирование этого аспекта, тогда как этика отношений для него - ценность второстепенная. Совершенно противоположной точки зрения придерживается его "зеркальный" партнёр Достоевский. Крайний индивидуализм Гексли, эгоцентризм, свойственный многим представителям этого социотипа, глупое "оригинальничанье", шокирующее своей экстравагантностью заставляет Достоевского постоянно корректировать поведение своего "зеркальщика". Нет, разумеется, Достоевский ничего не имеет против творческого развития своих способностей - именно такое применение находит у него аспект интуиции возможностей. Но Достоевскому неприятна поверхностность, разбросанность и непостоянство интресов Гексли, стремление всё охватить, всё познать и в то же время ничему ни отдавать себя целиком. Достоевский, подсознательно сориентированный на серьёзного, методичного Штирлица такую позицию осуждает. Гексли ему кажется человеком крайне легкомысленным и ненадёжным. У Гексли со своей стороны тоже есть встречные возражения по этому аспекту. Ему кажется, что Достоевский слишком сковывает его возможности, постоянно твердя ему как маленькому о том, что можно, а чего нельзя. А уж кому как не программному интуиту - Гексли лучше знать свои возможности в той или иной ситуации? (Гексли, воспитанный Достоевский всегда несколько скованно пользуется своей интуицией. Вместо того, чтобы прислушиваться к себе и в экстремальной ситуации действовать по обстоятельствам, интуитивно угадывая в них определённую для себя выгоду, он будет прислушиваться к мнению окружающих его людей, стараясь в первую очередь действовать "этично" - так, "чтобы никого не обидеть", а в результате обижает себя, поступает себе же во вред. Так, например, одна из представительниц этого типа (Гексли) только уступая просьбам своей матери (Достоевского) четырнадцать лет прожила в тяжелейшем браке с "конфликтёром", как потом выяснилось, патологическим садистом. И эти "примирения", на которые она соглашалась под влиянием своей мамы - "зеркальщицы" стоили ей не только потерянных сил, возможностей, здоровья и многих лет жизни, но они чуть было не стоили ей и самой жизни. Хотя "уговоры" эти были очень "мудрые" и доброжелательные: "Надо уступать друг другу, надо любить друг друга и всё у вас будет хорошо. А ты - эгоистка, ты его не ценишь и не понимаешь, какой это прекрасный человек. И вот только когда этот "прекрасный человек" чуть было не отправил её "эгоистку - дочь" на тот свет, любящая мама, которая хотела, "чтобы всё было как лучше" убедилась, что и она в чём - то была неправа.

Есть и другие примеры “зеркального” влияния на Гексли. Вот один из них:

(Вера, 23 года, Гексли)

“Я родилась и выросла в семье интеллигентов, где основополагающим принципом было: “душа - всё, оболочка - ничто”. Я с детства воспитывалась на морально - этических принципах. И моим идеалом было: муж, семья и четверо детей. В шестнадцать лет я вдруг увидела, что у всех девочек уже есть мальчики, а у меня - никого. Тогда я посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась: толстая, некрасивая, с плохой кожей - кому я нужна такая?

И тогда я сказала себе: “Вера, ты должна стать другой, ты должна себя сделать”. В семнадцать лет я уехала в другой город, где меня никто не знал, и стала “работать над собой”. Я занималась аэробикой, я два года не ела мясо, я восемь месяцев ела только по три ложки риса в день. Я занималась шейпингом и бодибилдингом. Училась на курсах манекенщиц, макияжа, парикмахеров и дизайнеров одежды. Закончила курсы риторики, английского языка, комьютеров, секретарей - референтов и финансовых менеджеров. Закончила торговый техникум с красным дипломом и поступила без экзаменов в университет. (И всё это за пять лет!) Всё это время я сама себе шила. Так что, гардероб у меня такой, о каком можно только мечтать! Изменила я себя полностью, вплоть до формы лопаточки ногтей. От себя прежней у меня остался только рост и цвет волос. Сейчас моя внешность меня устраивает. Но возникла проблема: мужчины, с которыми я знакоюсь почему - то принимают меня за высокооплачиваемую проститутку. Хотя это совсем не так. За всю мою жизнь, я только два раза была близка с мужчинами. Я хочу чистых, возвышенных отношений! Понимаете, получилось, что образ, который я из себя создала - это образ роковой женщины - вамп. И теперь мужчины меня либо боятся, либо считают “женщиной для досуга”. Общаясь со мной, никто не догадывается, что в душе я самая обыкновенная женщина, могу быть преданной женой, мечтаю выйти замуж и иметь детей. Я потратила столько сил, на то, чтобы всё это получить, а в результате опять осталась одна.

Вторая проблема: со всеми моими дипломами и аттестатами я не могу устроиться на работу. Мне сразу же намекают, что от меня потребуется определённые услуги. Понимаете, кем они меня считают? И всякий раз я теряю работу, из - за того, что отказываю им в этих “услугах”. Мне тут же говорят про “профнепригодность”, про отсутствие опыта... Теперь я не знаю, что я из себя сотворила? Не знаю, как мне жить со всем этим! И я не понимаю, почему я не могу совместить оболочку с внутренним содержанием? Почему не могу быть такой, какая я есть и получить всё, что я хочу? Почему меня надо обязательно либо желать, либо бояться? Почему нельзя относиться ко мне по - человечески? А если я не хочу одеваться как монашка и выглядеть как дурнушка, что же мне теперь и замуж не выйти? Нет, этого не может быть! У меня есть пример моей знакомой - красивая, умная, руководит двумя фирмами, замужем, растит двух детей, - значит можно всё это совмещать! Ведь у других это получается, почему я так не могу?..”

- Действительно, почему?

- Да потому, что произошёл очень серьёзный перекос в модели её психики. У нашей героини теперь всего по две - две программы, - этическая и интуитивная (причём одна

“глушит” другую), две реализации - тоже и этическая, и интуитивная, причём последняя, (наработанная) “перехватывает” “инструменты” у другой. Вместо того, чтобы использовать этику отношений как инструмент, она “инструментально” использует интуицию, считая, что чем больше она будет уметь, тем больше у неё шансов успешно реализовать свою вторую, “наработанную” программу - этику отношений. Но проблема то в том, что она Гексли, а не Достоевский. Врождённые - то программные ценности у неё остались прежние и теперь вступили в противоречие с ценностями, привитыми воспитанием. Эта девушка сама себе “зеркало”. (Все её проблемы начались, когда она посмотрела на себя в зеркало, что само по себе это и неплохо.) Иногда бывает полезно посмотреть на себя со стороны. Но беда в том, что она, будучи экстравертом, начала взаимодействовать с окружающим миром как интроверт. Этика отношений уже стала для неё первостепенной ценностью, она уже конкурирует с её программной интуицией возможностей и даже в чём - то её “теснит” и подавляет. Борьба двух статичных ценностей - этики отношений и интуиции возможностей теперь происходит в ней самой. Конфликт зеркальных отношений продолжается в рамках одной модели, начинается борьба человека с самим собой, мучительный выбор между двумя, теперь уже равнозначными ценностями: девушка хочет и блестящей карьеры, и успеха “любой ценой”, и возвышенных отношений, - и у неё есть “пример” перед глазами... Проблема не в том, что она хочет совместить несовместимое, (нелогичность - это всего лишь проблема её типа, и это как раз показатель того, что она не безнадёжна). Ей предстоит проблема выбора между двумя программами, - и это будет самое трудное, но только после этого решиться проблема выбора “инструментов”, - она решит, каким аспектом ей пользоваться инструментально: этикой отношений или интуицией возможностей. Тогда, она сможет, хотя бы частично восстановить свою природную этическую манипулятивность, которая пока что в её поведении проявляется только на уровне подсознания - через аспект этики эмоций. (У неё кокетливый взгляд, обольстительная улыбка, и никуда ей от этого не деться!). Но сейчас противоречие между манипулятивной этикой эмоций и инертной этикой отношений создаёт ей проблемы “перекоса модели”. Всё должно быть в одном блоке, а иначе её просто перестанут понимать, что, собственно, с ней и происходит. Уже и сейчас никто не понимает, чего она хочет от себя и от окружающих? А отсюда и её страдания.

- Да, но как обрзовался этот “перекос”? - недоумевает Читатель. - Каким образом можно было так повлиять на девочку?

- Результат такого “перекоса модели” - очень жёсткая зеркальная коррекция в детстве, - отсюда и привычка смотреть на себя глазами “зеркальщика”. И несмотря на то, что она уже пять как вырвалась из “зеркальных” отношений, они для неё продолжают по инерции. Теперь она сама себе “зеркальщик” - отсюда и проблемы её взаимодействия с окружающими, отсюда и проблема выбора партнёра. Теперь она дуала к себе не подпустит, а активатора испугает...

- Да как же так получилось?...

- Всё дело в том, что в этой диаде очень жёсткая “зеркальность” - здесь взаимодействуют два деклатимных статика - оба упрямы, оба считают свою точку зрения непреложной истиной и никаких возражений по этому поводу не принимают.

Но если Гексли ещё как - то этически изворотлив и дипломатичен, то Достоевский максималистичен, как любой программный этик, декларирующий статичную ценность и, при кажущейся мягкости, очень жёстко и бескомпромиссно навязывает свои этические ценности. (Когда дело касается компромиссов и уступок Достоевский становится на редкость бескомпромиссен и неуступчив - то есть уступать должны все, кроме него, поскольку он считает, что и так показывает всем пример кротости и смирения.)

Поэтому по этическим вопросам у Гексли с Достоевским возникает очень много споров. Гексли очень страдает от этического максимализма Достоевского, от его постоянных завышенных требований, от нескончаемых упреков в недостатке любви и внимания. Причём, сколько бы Гексли ни любил Достоевского, как бы ни проявлял свою заботу, тот всегда будет жаловаться на недостаток внимания, обязательно найдёт чем упрекнуть, найдёт к чему придраться. И дело тут не в том, что Гексли не в состоянии сосредоточить свою любовь только на Достоевском, (хотя и это тоже случается - ведь представители этого типа бывают и непостоянны, и легкомысленны, за что их и считают "Дон - Жуанами"), проблема и не только в том, Гексли часто даёт повод партнёру для ревности и подозрений - проблема в том, что они просто не дополняют друг друга и недостаток поддержки и взаимовыручки по слабым функциям выливается во взаимные упреки и обвинения.

И со своей стороны у Гексли тоже возникают претензии к Достоевскому: он никак не может согласиться с требованием партнёра сосредоточить всё своё внимание и все интересы только на нём - ведь это значит отказаться от всех остальных возможностей, а это уже противоречит программе Гексли, этого он никак для себя принять не может. И тем более ему обидно, что его естественное стремление интересоваться всем и всеми вокруг вызывает у близкого ему человека ничем (как ему кажется) необоснованную, ревность, упреки и возражения. Все попытки Гексли переубедить Достоевского естественно ни к чему не приводят - он не внушается аспектом интуиции возможностей, он не Габен, не дуал Гексли; у него этот аспект находится на других позициях и он как любой "творческий", манипулятивный интуит и сам прекрасно знает, "что можно", а "что нельзя". И этим "можно - нельзя" он так ловко оперирует, что переубедить его бывает совершенно невозможно. И в конечном счёте Гексли устаёт растрачивать свою программную интуицию на все эти бесполезные дискуссии, - он просто поступает по-своему. И в этом ему помогает его дипломатичная, изворотливая этика отношений - то есть то качество, которое уже в свою очередь бесит Достоевского, поскольку подобную этику он считает хитростью, ложью, лицемерием, приспособленчеством и наделяет её всякими нелестными эпитетами.

Уровень СУПЕРЭГО, канал 3 - 4.

Понятно, что при таких спорах и противодействиях, партнёры не могут не прийти к волевому противоборству. (Противоборству по сенсорным аспектам). И зачинщиком здесь может оказаться Гексли. (У него этот аспект гибче, нормативней и он им легче манипулирует). Но как только он начинает втихомолку "действовать по-своему", его поступки моментально вызывают гневное осуждение Достоевского и ответную сенсорную реакцию. Достоевский чувствует себя уязвлённым, возмущённым; ему кажется, что его подавляют, что его права ущемляют, подчиняют его каким - то

неудобным, неприемлемым обстоятельствам и условиям, а этого он никак стерпеть не может - это уже его “комплекс”, его “ зона страха”. В результате Достоевский мобилизует свою волевую сенсорику и обрушивает на Гексли нескончаемую лавину самых жестоких упрёков и обвинений. Но не так страшны для Гексли эти упрёки, как вид страданий, которые при этом испытывает его партнёр - вот это для Гексли, с его природной доброжелательностью, - настоящая пытка, поэтому он старается в чём - то смягчить своё давление, а в чём - то и ускользнуть от инертного давления Достоевского - то есть здесь опять же возникает противоборство по сенсорным аспектам - со стороны гибкой, манипулятивной волевой сенсорики Гексли и жёсткой бескомпромиссной сенсорики Достоевского.

Но, к сожалению, и этим проблемы на уровне СУПЕРЭГО не ограничиваются. Мы ещё ничего не сказали об аспекте логики соотношений, а ведь и он доставляет обоим партнёрам немало неприятностей. У Достоевского, как мы знаем, этот аспект находится в рамках норматива, поэтому он со своих “нормативных” позиций часто и упрекает Гексли в логической неоследовательности, в неспособности на чём - либо сосредотачиваться, в поверхностности и разбросанности интересов, симпатий, увлечений и отношений. (Последнее для Достоевского особенно неприемлемо - как можно манипулировать отношениями?). Понятно, что и Гексли эта критика удовольствия не доставляет, от этого он ни последовательней, ни рассудительней не становится, а наоборот начинает не к месту проявлять свою непредсказуемость и экстравагантность, откалывая самые нелепые номера. Поступая таким образом, Гексли как бы отстаивает своё право быть таким каков он есть, не желая казаться ни лучше, не хуже. Чем окончательно разочаровывает Достоевского, который считает поведение Гексли глупым и бестактным кривлянием, за что ему и выговаривает. Гексли, в свою очередь, обижается на Достоевского, поскольку тот, по его мнению, “не понимает шуток”. (И действительно, с юмором в этой диаде возникают некоторые проблемы, что вполне естественно, поскольку зеркальщики сходятся во мнении только на 50%, им друг с другом лучше не шутить, - юмор одного из них может быть понят другим только наполовину.

Уровень СУПЕРИД, канал 5 - 6.

Вопрос о том, кто о ком должен заботиться в этой диаде стоит очень остро. Аспект сенсорики ощущений у обоих партнёров находится на слабых позициях. Гексли и счастлив был бы принимать опеку Достоевского, (поскольку у него этот аспект находится в “точке абсолютной слабости” и ему просто необходимо, чтобы о нём заботились), но и Достоевскому нелегко брать на себя всю заботу о партнёре - он считает это слишком трудоёмкой для себя задачей. И кроме того, Достоевский, будучи подсознательно сориентирован на творческую сенсорику Штирлица, - обожающего опекать и ухаживать за своими домочадцами, - не сможет примириться с такой иждивенческой позицией своего “зеркального” партнёра. Он непременно заставит Гексли взять на себя хотя бы часть домашних обязанностей. (Опять же, будет его упрекать, донимать его своими жалобами, ссылаться на упадок сил и на плохое самочувствие, но своего непременно добьётся.) И хотя в плане сенсорики Гексли не может сравняться со Штирлицем, всё же он возьмёт на себя какую - то часть забот и будет выполнять их в рамках каких - то нормативных требований, чем и стимулирует

некоторую сенсорную активность Достоевского. (У Достоевского аспект сенсорики ощущений находится на позициях активационной функции - чем больше о нём заботятся, тем больше он активизируется и тем больше заботится о партнёре.) Проблема только в том, что расхолаживание одного из партнёров, (вызванное хотя бы чрезмерным перенапряжением по сенсорным аспектам), неизбежно приведёт и к расхолаживанию другого партнёра: “Ты для меня ничего не делаешь, ну так и от меня ничего не жди! Мне что, больше всех надо? Я здесь самая выносливая?” И опять отношения пойдут по замкнутому кругу взаимных упрёков, претензий и обвинений.

Примерно такие же проблемы возникнут и по аспекту деловой логики. Абсолютная деловая беспомощность Достоевского минимально “подпитывается” импульсивной деловитостью Гексли. Но ведь и деловую логику Гексли тоже должен кто - то активизировать! Вот и получается, что Достоевскому приходится постоянно напоминать о своей незащищённости по этому аспекту (то для него нужно одно сделать, то другое!), а Гексли со своей стороны вынужден оперативно реагировать на эти призывы, что для него тоже непросто - он бы и сам не прочь получить помощь по этому аспекту. Таким образом, минимально поддерживая друг друга по аспектам уровня суперид, партнёры худо - бедно справляются с некоторыми своими проблемами. И опять же, видя ценой каких усилий каждому из них это достаётся, они достаточно высоко оценивают помощь друг друга, хотя и без взаимных упрёков здесь тоже не обходится.

Уровень ИД, канал 7 - 8.

Для зеркальных отношений, как мы знаем, это уровень наибольшей нервотрёпки. Именно по этим аспектам “зеркальщики” постоянно “достають” и “задёргивают” друг друга. И в первую очередь это относится к аспекту интуиции времени. Находясь рядом с Достоевским, Гексли не может спокойно воспринимать информацию по этому аспекту, (который у него находится на позициях наблюдательной функции). Достоевский утомляет его постоянными напоминаниями о том, что и когда нужно делать. “Услужливая”, “демонстративная” интуиция времени Достоевского “работает” для Гексли испорченным будильником, который всё время звонит невпопад. Мало того, что Гексли устаёт от этих неуместных напоминаний - он и сам знает, что и когда ему нужно делать, - ему ещё и надоедает спорить с Достоевским, надоедает каждый раз доказывать свою правоту и отстаивать своё право самостоятельно распоряжаться своим временем. У Гексли свои планы, свой режим, свои прогнозы, у Достоевского - свои. И по этому поводу между ними происходят отчаянные споры. И побеждает тот, кто пользуется в семье большими привилегиями. (Например, Гексли, воспитанный Достоевским может быть очень педантичен в вопросах пунктуальности, может составлять жёсткий распорядок дня для себя и для своих близких и требовать неукоснительного его соблюдения. Но при этом он может и выбиваться из своего жёсткого графика, потому что ему вдруг “так захотелось”, и при этом его интуиция времени может оставаться и на пассивных, созерцательных позициях.) Но споры - спорами, а ведь и тот, и другой могут быть очень навязчивыми в вопросах “сервиса”, тем более, что их услужливость как раз и проявляется интуитивно. Выглядит это примерно так:

Достоевский: “Ну, давай позвони сейчас, я обещала, что ты позвонишь...”.

Гексли: “Сейчас рано. Там ещё никого нет.”

Достоевский: “А потом будет поздно, и ты опять не позвонишь. Ты вчера ещё должен был позвонить...”

И так далее. В том же духе... Постоянные споры на тему “поздно - рано”, “сейчас - потом”, “будет так - будет этак” изматывают их обоих. Как правило, ни один из них другому в этих спорах не уступает, а если и уступает, то потом сожалеет о своей уступке.

Но, как известно, ни один спор не обходится без эмоций - тем более, если спорят этики. Общаясь с Гексли, Достоевский, у которого аспект этики эмоций находится на позициях наблюдательной функции, часто бывает недоволен результатами своих “наблюдений”.

Гексли же подстраивает свои эмоции под настроение партнёра и тем очень настораживает Достоевского, поскольку в этом случае тому трудно судить об истинном отношении к себе. Эмоции Гексли часто кажутся Достоевскому неискренними, фальшивыми, поэтому, пытаясь разобраться в истинных чувствах своего партнёра, Достоевский упрёками подколками и провоцирует его на выяснение отношений, которые конечно же выливаются в ссору. (Хотя Гексли чаще всего так и не может понять, чего от него добивается партнёр? - всё было так хорошо, он пришёл в хорошем настроении, пошутил, побалагурил, а на него почему - то обиделись!) Конфликты по этому аспекту чаще всего заканчиваются уступками со стороны Гексли - его этика гибче и манипулятивней, и ему трудно напрямую противостоять жёсткой и инертной эмоциональности Достоевского. (Уж если тот “заведётся”, так его нескоро остановишь. Пока сам от собственной истерики не устанет - не успокоится.) Поэтому, Гексли ничего другого не остаётся как постоянно менять “тактику”, манипулируя своими эмоциями. Таким образом, уступая тактически, он иногда выходит из этих споров победителем.

Хотя, по большому счёту, победителей в “зеркальных” отношениях не бывает...

[Источник](#)

[Обсудить на форуме](#)